

Механизация производства, использование энергосберегающих технологий обуславливают сокращение рабочих мест на селе. Однако перечень вакансий в сельской местности свидетельствует о неукомплектованности кадрового потенциала в агропромышленного комплекса. Организации сельской местности испытывают дефицит в таких специалистах, как экономист, главный экономист, юрисконсульт, юрист, бухгалтер, т. е. тех кадрах, которые в городской местности, как правило, оказываются избыточными. Нехватка наблюдается в сельской местности и по таким рабочим специальностям, как животновод, оператор машинного доения, тракторист, тракторист-машинист сельскохозяйственного производства, электромонтёр по ремонту и обслуживанию электрооборудования (ситуация на 1 июня 2015 г.).

Доля молодёжи (согласно ООН, ЮНИСЕФ под молодёжью понимаются молодые люди от 14 до 30 лет) в общей численности работников сельского хозяйства постепенно снижается. Так, если в 1995 г. этот показатель составлял 20,7%, то в 2008 г. — только 17,8%. Необходимо отметить, что, в целом, доля молодёжи среди работников сельского хозяйства — наименьшая в сравнении с другими отраслями народного хозяйства, причём преобладающая часть молодёжи, работающая в сельском хозяйстве, занята среди рабочих специальностей (76,6% (2008 г.)). Процесс механизации и автоматизации производства преобразует и половую структуру работников сельского хозяйства. Так, среди работников до 30 лет преобладают мужчины (57% (2010 г.)), в то время как спрос на женскую рабочую силу снижается при ограниченных возможностях их трудоустройства в другие сферы сельского хозяйства. Однако эффективность и конкурентоспособность сельскохозяйственного производства в значительной мере зависит от того, насколько оно обеспечено кадрами и, в первую очередь, молодыми квалифицированными специалистами, в связи с чем правительством Республики Беларусь была объявлена задача к концу первой четверти XXI века обеспечить агропромышленный комплекс не менее 50% молодёжью с высшим образованием, а остальную часть — молодыми людьми со средним профессионально-техническим образованием [4].

Список цитированных источников

1. НТР и мировая политика : учеб. пособие / под ред. А. В. Бирюкова, А. В. Крутских. М., 2010. 210 с.
2. Концепция национальной инновационной системы : одобрена на заседании комиссии по вопросам ГНТП при Совете Министров Респ. Беларусь, протокол № 05/47пр от 08.06.2006 г. Минск, 2006.
3. Там же. С. 10.
4. Пашкевич О. А. Молодёжь в сельском хозяйстве Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://old.agriculture.by/archives/2465> (дата обращения: 25.01.2016).

УДК 316.346

Е. В. Филимонова

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Введение. Постсоветские этнонациональные реалии в значительной степени представляют собой результат противоречивой советской национальной политики. Построение коммунизма предполагало формирование в итоге единой советской нации. При этом «человек советский», который должен был обладать соответствующим гражданским мышлением и идентифицировать себя прежде всего с советским народом, вместе с тем не утрачивал этничность. Подчёркивалась лишь главенствующая роль интернациональной основы при декларировании поддержания и развития национальных культур народов СССР.

Основная часть. Интернационализм и создание на его базе единой советской нации осуществлялось по двум направлениям: во-первых, через культуру — посредством расширения употребления русского языка как языка межнационального общения, во-вторых, через создание единой материально-технической базы и единого производственного цикла. Как гласила Программа КПСС, «строительство материально-технической базы коммунизма ведёт к ещё более тесному объединению советских народов» [1, с. 113].

Политика «единения и слияния наций» в концентрированном виде была провозглашена в Программе КПСС 1961 г. Помимо «слияния наций» Программа утверждала необходимость продолжения борьбы против шовинизма и идей национальной исключительности. При этом утверждалась дальнейшая приверженность укреплению национальных основ, проявившаяся в политике коренизации.

Изначально заложенная в программных документах и реальном политическом процессе двойственность национальной политики, внутреннее противоречие концепций «слияния наций» и развития национальных культур привели в конечном итоге к общему провалу советской национальной политики. Но вместе с тем нельзя и забывать, что сдержанная поддержка национальных культур сыграла положительную роль в развитии этнокультурной идентичности некоторых (прибалтийских, среднеазиатских) народов. Кроме того, стремительная индустриализация косвенно повлияла на рост националистических настроений.

Тем не менее свободы для развития этнокультурных основ было ровно столько, сколько это позволял формат СССР. Главная же цель — создание советской нации как конечного продукта советской национальной доктрины не была достигнута в необходимой мере. Об этом вполне убедительно свидетельствует сам факт существования националистических организаций и тщательно скрываемые случаи националистических волнений.

Советские исследования национального вопроса и межнациональных отношения были практически полностью подчинены концепции интернационализма и стали относительно самостоятельными только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Во время «перестройки», т. е. с 1985 г. благодаря политике гласности публикуются ранее запрещённые работы, впервые поднимается тема национальных движений [2].

В исследованиях начала 1990-х гг. прослеживаются аналогии между ростом национальных движений 60—70-х гг. и конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. Происходит многосторонняя оценка противоречий, сильных и слабых сторон советской национальной политики и в особенности идеологии интернационализма. Научный анализ данных вопросов происходил и за рубежом, однако СССР долгое время оставался недоступным для зарубежных исследователей. Западная же историография рассматривала советскую национальную политику лишь по касательной.

Обобщая исследования американских и западноевропейских учёных, опубликованные до 1990-х гг., можно судить о том, что СССР ими рассматривался как «последняя колониальная империя». Данный подход был подхвачен и многими отечественными националистически настроенными мыслителями, но развития в 2000-е гг. не получил. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. постсоветские реалии и развитие новых независимых государств — бывших советских республик — рассматривались зарубежными специалистами в двух аспектах: во-первых, через специфику национальных движений, во-вторых, через процесс формирования государства и нации. Большинство исследований о «перестройке» и начале 1990-х гг. было сфокусировано на событиях в России, а чаще всего ограничивались событиями в Москве, что существенно ограничивает историографию по данному вопросу в отношении других республик.

Национальные движения в республиках СССР стали объектом исследования зарубежных политологов в конце 1980-х гг. XX в. в контексте их роли в распаде Советского Союза. Специфика исследования национальных движений зарубежными исследователями состоит в том, что национальное движение не рассматривается конкретно как общенациональный процесс, а как совокупность различных националистических организаций (Popular fronts) и их деятельности.

Подчёркивается стремление этих организаций сохранить национальную культуру. Отмечается, в частности, что, «стремясь защитить национальную культуру», эти организации превратились в независимые политические организации, которые «боролись с советской политической практикой и даже с самим существованием Советского Союза» (перевод здесь и далее. — *Е. Ф.*) [3]. Западными исследователями берутся во внимание лишь конкретные объекты и конкретные, причём неполные, данные. Налицо редуccionистский подход.

Образование молодых национальных государств на постсоветском пространстве дало импульс к развитию исследований по данной теме. Если в отечественных исследованиях, опубликованных до конца 1980-х — начала 1990-х гг., ставшие классическими западные исследования нации и национализма игнорировались, то в 1990-е гг. налицо игнорирование собственных наработок. Большинство трудов этих лет полностью опираются на работы таких исследователей, как Б. Андерсон, Э. Геллнер, Ф. Барт, Э. Хобсбаум и др. Как пишет белорусско-российский учёный О. Г. Буховец, «использование теоретических основ трудов вышеперечисленных зарубежных авторов как наиболее адекватной системы научных координат стало уже в этот период своего рода “наддисциплинарной нормой” [4, с. 48]. Исследователь описывает это процесс как «скоростную замену парадигм», в ходе которой была в значительной степени переоценена полезность западных концепций к постсоветским этнополитическим реалиям.

В основном отечественные и зарубежные исследователи шли прогностическим путём, т. е., пытались определить нынешнее состояние общества и государства на постсоветском пространстве, исходя из общемировых тенденций и практик, оптимальный путь развития. Большинство исследователей сошлось во мнении, что все постсоветские государства и общества — переходные.

В российской науке темой так называемых переходных обществ занимались такие исследователи, как В. Я. Гельман, З. Т. Голенков, В. Л. Иноземцев, Т. П. Лебедева, Б. И. Макаренко, О. Ю. Малинова, Л. И. Никовская, В. И. Пантин, А. В. Рябов, Д. А. Фурман, В. Н. Якимец и др. Среди белорусских исследователей — Н. А. Антанович, Е. М. Бабосов, Д. К. Безнюк, О. Г. Буховец, А. Н. Данилов, С. Б. Лугвин, С. В. Решетников, Д. Г. Ротман, С. А. Шавель, и др.

Под понятием «переходное общество» чаще всего подразумевается общество, осуществляющее переход от авторитарного либо тоталитарного устройства к демократическому. С процессом демократизации связано большинство как отечественных, так и зарубежных исследований по данной теме. Переходное общество характеризуется сложной политической обстановкой, часто низким уровнем политической культуры. Оно динамично по своей природе. Политические изменения в переходных обществах происходят под влиянием противоречивых социально-экономических факторов, таких как изменения в рыночных отношениях, появление нетрадиционных источников дохода, усиление социальной мобильности, распространение и развитие либерально-демократических ценностей наряду с сохранением понимания населением «должных» отношений между человеком и государством [5]. Отсюда и конфликт между привычными понятиями о справедливом миропорядке и новыми политико-экономическими отношениями.

Перестройка общественных отношений, более сложная структура общества с множеством промежуточных слоев провоцируют ощущение, что при номинальном равенстве перед законом растёт социальное неравенство. В связи со сложнейшим комплексом противоречий образуется кризис самосознания. Человек не уверен, к какому социальному слою он относится, к какой «касте» принадлежит, какое место в обществе занимает его профессио-нальная сфера, а из-за экономической нестабильности вынужден менять эту сферу. Глобальные политические изменения влекут такие существенные сдвиги в сознании, как потеря актуальности прежних идентичностей, в нашем случае советской идентичности.

Политическая и экономическая нестабильность вызвала стремительно растущий разрыв между бедными и богатыми, что противоречило в сознании бывшего «советского человека» понятиям справедливости. Политико-экономические реалии почти во всех республиках в первые же годы после распада Советского Союза породили неудовлетворённость демократизацией, что в последние 20 лет опровергло универсальность многих зарубежных политических теорий. Современные отечественные исследования все меньше основаны на классических теориях

модернизации и транзитологии, характерные в большей степени для западных исследований. В частности, теория транзита (К. Шмиттер, А. Степан, Т. Карозерс, Х. Линц, Л. Даймонд и др.) предполагает однозначный линейный переход от авторитарного общества к демократии. Из этой теории вытекает популярная до недавнего времени политическая практика экспорта демократии.

Белорусская исследовательница Н. А. Антанович пишет следующее: «Оценивая постсоветское пространство, политологи отмечают упрощённость и поверхностность парадигмы транзита, основанной на модели “транзит — консолидация”. На постсоветском пространстве доминируют процессы политической институционализации и властной стабилизации, ориентированные на эффективное управление, стабильное воспроизводство властных отношений, создание механизмов поддержки и легитимации власти» [6]. Политолог резюмирует, что сложившиеся консолидированные политические режимы не вписываются в логику данной модели. Существует мнение, что именно несостоятельность транзита демократии на постсоветском пространстве заставила задуматься об ошибочности теории в целом. Приводится мнение российского политолога Л. В. Иноземцева о том, что сами попытки «навязать» демократию, экспортировать её в страны, для общественно-политического уклада которых она исторически никогда не была свойственна, дискредитируют демократические нормы, изначально предполагающие добровольность.

В процессе своего развития транзитология разделилась на две линии: «путь исторических траекторий», или стратегия «длинного пути» (С. Роккан, П. Андерсон, Б. Мур), и теория «демократического прорыва», или «стратегия разрыва» (Р. Даль, Д. Растоу). Основное отличие в этих двух направлениях состоит в степени интенсивности транзита демократии. «Длинный путь» предполагает постепенное развитие без частых и резких вмешательств. «Стратегия разрыва» предполагает резкий переход от одного типа общественных отношений к другому, полный разрыв с прошлым. Отметим, что теории нацистского строительства и демократизации рассматриваются нераздельно в большинстве как отечественных (А. Н. Данилов, Л. Г. Титаренко и др.), так и зарубежных исследований, так как в обоих случаях ставится вопрос о внимании к национальным особенностям того или иного государства и необходимости учитывать исторический опыт «страны-импортёра».

Теория транзитологии распространена среди западных исследователей постсоветских переходных обществ. Отечественные же учёные и мыслители всё чаще говорят о несостоятельности данного подхода, опираясь на снижение интереса населения на постсоветском пространстве к демократии и к неудачам последних лет в практическом применении данной теории.

Зарубежные исследователи уже в конце 1990-х видели сложности в применении концепции транзитологии: «Демократизация часто воспринимается политическими акторами и населением как угроза общественному порядку и стабильности и позволяет некоторым политическим деятелям обосновывать необходимость сильной власти для преодоления переходного периода» [7]. Осознание неприменимости демократического транзита к постсоветским политическим реалиям обозначилось как «глубокий кризис либеральной модели демократии». Основная масса исследований по республикам бывшего СССР изобилует политическими стереотипами (например, о традиционно слабом национальном самосознании) и опирается на классические общие теории нации.

Исследования последних двух десятилетий отличаются признанием многогранности объектов исследования и, соответственно, необходимостью одновременного использования нескольких подходов в ходе анализа. Общеизвестна множественность идентичности каждого человека. Как отмечает российский исследователь И. М. Мусаев, «исследователи не ограничивают себя традиционными дисциплинами, а используют идеи и концепции, разработанные в рамках таких новых направлений, как гендерные исследования, теория расовых отношений, дискурсивный анализ, постколониальные теории», подчёркивая, что «особый акцент делается на многомерном характере «субъективности». По мнению учёного, анализируемые им работы «бросают вызов ортодоксальным концепциям, которые рассматривают индивидуумов в качестве субъектов с единым чувством идентичности» [8, с. 45].

Заключение. Понятие «переходного общества» активно используется в современных исследованиях, однако внимание исследователей сосредоточено не на самой демократизации, а обосновании особых национальных путей политического развития. Последнее десятилетие показало устойчивую тенденцию к ужесточению методов правления постсоветскими политическими элитами и одобрение данного курса основной массой общества. Последствия европейского гиперлиберализма, утрата традиционных для этого региона ценностей, а также печальный пример «транзита демократии» в Украину настроили многие постсоветские «переходные общества» против того, чтобы копировать западную модель политической жизни и строить либеральную модель демократии. Отмечается потребность общества в сильной централизованной власти с авторитарным стилем управления.

Список цитируемых источников

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза (Проект) [Электронный ресурс]. М., 1961. URL: <http://www.izmy.info/node/962> (дата обращения: 01.03.2016).
2. Пивоварова О. Н. Государственная власть и национальные движения в СССР в 1960—1970-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2003. 207 с.
3. Goujon A. Nationalism in the Soviet and Post-Soviet Space: the cases of Belarus and Ukraine der Freien Universität. Berlin, 1999.
4. Буховец О. Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты : моногр. М. : Огни, 2004. 97с.
5. Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учеб. для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2000. 559 с.
6. Антанович Н. А. Политические трансформации на постсоветском пространстве: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы // Социология. 2007. № 2. С. 3—11.
7. Goujon A. Nationalism in the Soviet and Post-Soviet Space: the cases of Belarus and Ukraine.
8. Мусаев М. И. Современные подходы к изучению национализма // Человек. Общество. Управление. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2006. № 1.